

Его судьбу решал Совет министров СССР

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА СТР. 13
– Меня удивило, что вы часто сетуете на то, что не умеете сочинять современные шлягеры.

– Я не желаю делать то, что сегодня навязывается публике. Любому молодому аранжировщику можно дать мелодический рисунок, и он сделает из него клубный танцевальный хит. Это говорит о том, что все это ерунда. Творчество ли это? Хочется ли мне это делать?

– Но это же деньги.

– Деньги я тоже зарабатываю. Когда меня просят написать красивую песню, я пишу ее с удовольствием.

Я почти десять лет прожил в США и хорошо знаю их музыкальный мир. Там есть клубная танцевальная музыка, ее пишут всякие мальчишки. Есть такие монстры, как Сантана, он делает мировые хиты. Есть великие исполнители – Хьюстон, Мэрайя Керри, они имеют свою нишу в мелодической музыке. Есть мелодический рок, а есть рок, который бьет по ушам. Все имеет свою нишу. У нас же ничего этого нет. У нас какой-то один смешанный мутный поток.

Вот было небольшое время «Тату», попытка интеграции нашей поп-музыки в мировую. У них была приличная музыка, классно написанная и также классно сделанная. Без этого «класса», поверьте, ни одна фигурина на Западе не пройдет.

– Вам что же, нравится «Тату»?

– Они мне не могут нравиться, потому что мне нравится другая музыка. Но я понимаю, что там все хорошо сделано. Может быть, это было случайно. Но это был первый шаг! Это же был первый мировой психоз по поводу нашей группы! За ними нужно было немедленно идти другим. Почему-то этого не происходит, какой-то тормоз срывает. Никто не пошел за ними, опять все уперлось в нашу «частушку» внутреннего потребления.

– Вас не смущает, что наша эстрада практически безголосая?

– На эстраде не обязательно быть обладателем роскошного вокала. В поп-музыке я считаю главным – тембральность, узнаваемость. Это гораздо важнее. Утесова можно узнать из тысячи. Марк Бернес – это вообще самодеятельное пение, костровое, под гитарку. Но как только он начинал петь, все сразу узнавали его и узнают до сих пор. Разве у Бьорк есть голос? Нет. Но она узнаваема.

– Значит, важна энергетика?

– Вот вы правильно сказали – энергетика. Нужна узнаваемость, характерность. Это важнее. Ну и, конечно, музыкальность. Чтобы стать хорошим исполнителем в поп-музыке – иметь голос не главное. Но петь надо обязательно без фонограммы. Какая может быть энергетика, когда поют под плюсовую фонограмму? Многих исполнителей я начал уважать только после того, как побывал на их концертах и услышал их «живьем». Представьте, я не любил Элтона Джона до того, пока не услышал его на концерте. Также после «живого» концерта Эрик Клэптон стал для меня самым луч-

шим музыкантом. Но все это после их концертов, когда я почувствовал их энергетику.

– Говорят, что в вас есть что-то раблезианское. Так ли это?

– Во мне нет ничего раблезианского. Я люблю жизнь в нормальных ее проявлениях, без всяких преувеличений: если поест – то нормально, по-человечески, не обжираясь; выпить – то

ваю, что делал это добровольно и мне было хорошо, что я не обездолил человека. Думаю, что это оценено, и со всеми бывшими женами мы остались хорошими друзьями.

– В 1991 году вы уехали в США, потому что тут все надоело?

– Мне здесь не надоело. Просто в то время тут все заглохло. Нуж-

Я не желаю делать то, что сегодня навязывается публике

же самое. И в человеческих взаимоотношениях предпочитаю соблюдать меру.

– В будущем году вам исполнится 60 лет. За это время вы успели шесть раз жениться. Не многовато ли?

– Согласен. Многовато. Но что делать, так сложилась судьба. Мы говорили о романах отца, а в то время очень трудно было жениться-разводиться. За это могли предать анафеме, «облико морале»! А я живу в то время, когда это не предосудительно. Но это скорее мой недостаток, чем достоинство. Наверное, я хотел, чтобы было по-другому, но не получилось. Каждый раз молодые порывы мешали мне сде-

но было что-то делать. Никакого самовыражения не было, если говорить о творчестве. Да и деньги тоже нужно было зарабатывать, а тут зарабатывать было не на чем. Я человек решительный и, поворачивая свою жизнь, никогда не жду милостей от природы.

– То есть вы уезжали без мыслей там остаться?

– Я поехал посмотреть, что там и как, наделся что-то там сделать. У меня был маленький контрактик вместе с Леонидом Дербеневым. Какие-то денежки мы там заработали, а потом я решил попробовать писать музыку для кино, были какие-то продюсерские проекты. Без дела я там не сидел,

«Я люблю жизнь в нормальных ее проявлениях».

Фото Артема Чернова (НГ-фото)

лать брак устойчивым. Надеюсь, что последний брак будет действительно последним.

– Правда, что со всеми бывшими женами вы поддерживаете отношения?

– Да. Это говорит о том, что никакой большой ошибки не было. Ведь бывает, что люди расходятся и видеть друг друга не хотят.

– Или имущество делят.

– Мы тоже делили. Это добровольно. Я оставлял и квартиры, и машины, и т.д. Но это я делал в знак благодарности, а не потому, что было решение суда.

– И все начинали с нуля?

– Да, каждый раз почти с нуля начинал жизнь. Но подчерки-

но сказать, что там прижился, – нельзя. Это исключено. Некоторые наши режиссеры, актеры или композиторы говорят, что там они стали о-о-о! И что контрактов у них там много, и что Голливуд – их родное место. Помоему, это неправда. Мы можем там только краем зацепиться.

А в России постепенно стали возрождаться кино, театр. Возник интерес к профессионалам. Кино стали снимать режиссеры, а не осветители, музыку писать композиторы, а не звукоинженеры. Понимаете, мне хорошо там, где я могу самовыражаться, могу заниматься своей профессией, где меня понимают, где я нужен. ■